

ДА-КОНСТРУКЦИЯ КАК ФАКТОР СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ¹

Важнейшие синтаксические различия между славянскими языками связаны с фактором отсутствия/наличия в грамматической системе языка так называемой *да*-конструкции (*да*-форм). Расхождения, обусловленные этим фактором, просматриваются на многих крупных участках синтаксической системы, соотносимых с семантическими зонами ирреальности/нефактивности.

Наибольшее внимание лингвисты обычно уделяют тому факту, что *да*-конструкция появилась на инфинитивных позициях. Но это объясняет лишь часть отличий балканославянских языков (болгарского, македонского) от других славянских, включая небалканизированные южнославянские языки (например, словенский, литературный сербский). В балканославянских языках значительно сужена сфера действия «славянского» условного (сослагательного) наклонения, так что средства выражения ирреальных значений особым образом перераспределены.

С этим вопросом связана первая задача данной статьи: в разделе 1.3.1. мы сравним зоны функционирования условного наклонения и *да*-конструкции в болгарском языке как представителе балканославянских языков, показав их на фоне русского языка как языка с широкими функциями сослагательного наклонения. Затем в разделе 1.3.2 на

¹ Выражаю благодарность РГНФ/РФФИ за поддержку научного проекта № 16-04-50019 «Южнославянская *да*-конструкция и ее русские параллели», в рамках которого осуществляется это исследование. Выражаю признательность Биляне Марич (Сербия), Лиляне Митковской и Элени Бужаровской (Македония), Красимире Алексовой и Алле Градинаровой (Болгария), Младену Ухлику (Словения), Зое Шановой (Россия) за обсуждение данной работы и предоставленные примеры, а также проверку всего иллюстративного материала в окончательном тексте работы. Не все из теоретических рекомендаций моих коллег удалось реализовать, особенно учитывая, что они были иногда диаметрально противоположны. Вся ответственность за неточности и окончательные формулировки полностью лежит на авторе статьи.

материале нескольких южнославянских языков будут сопоставлены средства выражения гипотетической ситуации на примере конструкций с относительными придаточными.

Вторая задача данной статьи — выяснить, как отражаются особенности союза *да* в тех случаях, когда он является частью составного союза (раздел 2). Известно, что, например, в сербском и словенском языках союз *да/da* — это союз недифференцированного значения с иными, по сравнению с болгарским и македонским языками, линейно-синтаксическими свойствами. Насколько сохраняются в составных союзах те кардинально различные характеристики, которые демонстрирует одиночный союз *да* в балканославянских (балканизированных) и небалканизированных славянских языках? Мы попытаемся ответить и на вопрос, почему не все из составных союзов в болгарском и македонском языках диктуют присущие *да*-формам темпоральные ограничения на сказуемое зависимой предикации (раздел 2.4), хотя все структурные особенности *да*-конструкции при этом реализуются (2.1–2.2).

Первые разделы статьи (1.1. и 1.2.) носят вводный, ознакомительный характер. В них представлены известные расхождения между балканизированными и небалканизированными южнославянскими языками в грамматических и линейно-синтаксических особенностях частицы и союза *да/da*, — особенностях, которые в последующих разделах будут обсуждаться на материале зависимых предикаций с составными союзами, включающими *да/da*.

Раздел 1. Полисемичное *да* в южнославянских языках

1.1. *Да* в балканославянских языках

Процесс вытеснения старославянского инфинитива, супина и некоторых видов причастий конструкцией *да*+PRES² в части языков южнославянской группы хорошо описан в лингвистике, хотя все этапы этого процесса еще требуют научного внимания. Балканская конструкция, представляющая собой сочетание личных форм глагола со служебной частицей (греч. *va*, рум. *să*, алб. *të*, слав. *да*) и обладающая набором грамматических и семантических характеристик (см. ниже), получила широкое распространение в балканославянских языках (македонском и болгарском, а также ряде сербских говоров) как результат конвергентных процессов на балканской языковой территории³.

² Об этапах расширения этой конструкции другими временами см. [Деянова 1986].

³ Об истории становления *да*-конструкции имеется обширная литература, назовем лишь те, которые были особенно полезны для нашего исследования [Грицкат 1975; Мирчев 1978; Цыхун 1981; Sedláček 1982; Дограмад-

1.1.1. Функции да-конструкции

Да-конструкция имеет как зависимое, так и независимое употребление. В зависимой позиции да-конструкция прежде всего вытеснила инфинитив после глаголов намерения, желания и в целевых придаточных, постепенно расширив сферу своего действия на многие типы сложных предложений, в основном с ирреальным значением (см. разделы 1.2-1.3. и 2). В простом предложении зависимая да-конструкция оформляет основной глагол в составном глагольном сказуемом, например, болг. *Започнах да рисувам на 14–15 години* ‘Я начал рисовать лет в 14–15’.

В независимом употреблении болгарская и македонская да-конструкции используются в разнообразных функциях. Да может выступать как императивная и оптативная частица:

(1) болг. а. *Да не казва нищо!* ‘Пусть ничего не говорит!’ б. *Аз да тръгвам вече* ‘Пойду-ка я’. в. *Да си го носиш със здраве!* ‘Носи с удовольствием!’ (букв. ‘Носи на здоровье’). г. *До утре да си почистила всичко!* ‘К завтрашнему дню чтоб все убрала!’. д. *Да бяхте хапнали нещо* ‘Съели бы вы что-нибудь’, см. подробнее, например, в [Ницолова 2008: 415], с русскими параллелями в [Иванова, Градинарова 2015: 53–57].

(2) мак. а. *Да пишуваш појасно!* ‘Пиши отчетливей!’ б. *Да не одиш таму!* ‘Не ходи туда!’ / ‘Не надо ходить туда’. в. *Ех, да дојдеа!* ‘Эх, вот бы они пришли!’ г. *Да не си мрднал оттука!* ‘Чтоб ни шагу отсюда!’, букв. ‘Чтобы не сдвинулся отсюда’, см. подробнее, например, в [Субјунктив 2015].

Частица да в этом употреблении была известна и старославянскому языку, но значительное распространение ее в оптативно-императивной зоне связывают именно с балканским влиянием. Набор форм в да-конструкциях был постепенно расширен и прошедшими временами — перфектом (1г), (2г), плюсквамперфектом (1д), имперфектом (2в). По данным М. Деяновой [Деянова 1986: 488], в конструкциях с волюнтативным значением перфект фиксируется начиная с XV в. (3а), а первые вхождения имперфекта обнаруживаются в дамаскинах (3б).

жиева 1984; Деянова 1985, 1986; Минчева 1987; Joseph 1983; Асенова 2002; Грковић–Мејџор 2004]. Обзор функций болгарской да-конструкции из работ на русском языке см. в [Маслов 1981: 192–193, 285–290; Иванова 2015], в последней работе приводится и основная литература по изучению болгарской да-конструкции. Подробные сведения о грамматических и функциональных свойствах македонской да-конструкции можно найти в коллективной монографии [Субјунктив 2015], с широким сопоставительным фоном и богатой библиографией.

(3) а. *A за добитъка... да го **сте дали** (PERF) све* (Влх 1420-26, XIII 59).

б. *да **можеше** (IMPERF) еднакъ да идоу и сега слѣдь тебе да ги гледамъ чьстното лице* (Тих 198).

Инновацией более позднего периода является и распространение *да* в сферу вопросительности. Использование *да* в «дубитативных» вопросах (выражение колебания, неуверенности) связывается с процессами конвергенции [Асенова 2002: 189]. Впрочем, спектр семантических возможностей в вопросах не ограничен дубитативными оттенками, см. из более новой литературы [Ницолова 2008: 424–428; Сашева 2015; Mitkovska, Vužarovska, Kusevska 2015], в том числе с русскими параллелями в [Иванова, Градинарова 2015: 72–73; Иванова, Бужаровска 2016]:

(4) болг. а. *Да вземате в евро? ‘А в евро берете?’* б. *Да не те чака някой? ‘Тебя что, кто-то ждет?’*

(5) мак. *Леле, да не дојда гостите? А ние уште не сме готови! ‘Боже, никак, гости пришли? А мы еще не готовы!’* б. *Да не отидеш таму!? ‘Как, ты не пошел туда!?’ / ‘Ты — и чтоб не пошел туда?!’*

Расширение функций независимых *да*-форм ведет, с одной стороны, к усложнению семантического потенциала *да*-конструкции: не только внедрение ее в зону интеррогативности, но и освоение промежуточных между опативностью и вопросительностью зон («пристрастные» вопросы и апрехенсивные высказывания; см. [Иванова, Бужаровска 2016; Mitkovska, Vužarovska, Ivanova 2017]), и, с другой, — к случаям нарушения жесткой связи *да* и последующего глагола, прежде всего при возникновении новых частиц. Наиболее яркое тому проявление — формирование особой эпистемической частицы *да не* [Бужаровска, Митковска 2015] в македонском языке, нарушающей правило контактности *да* и глагола (6а) и даже допускающей еще одно отрицание (6б), см. примеры из [Иванова, Бужаровска 2016]:

(6) мак. а. *Да не нешто се случи? ‘Неужто что-то случилось?’* б. *Да не воопшто не се вратила? ‘А может, [она] и вообще не вернулась?’*

Общим семантическим инвариантом для всех разнообразных употреблений независимой *да*-конструкции в современных балканизированных славянских языках считается нефактивность [Ницолова 2008: 328; Тополињска 2008: 56; Бужаровска 1999; Amman, Auwera 2004 и др.]. Это же значение с некоторыми исключениями (см. далее) распространяется и на зависимые употребления.

Помимо перечисленного выше, частица *да* может использоваться и как модальный эпистемический модификатор, например для выражения предположительного или аппроксимативного значения: *Оттук до селото да има два километра* ‘Отсюда до деревни километра два’, — пример Р. Ницоловой, которая рассматривает подобные упо-

ребления как «*да*-формы за возможность» [Ницолова 2008: 426–427]. Эта функция *да* в славистике еще недостаточно изучена.

Кроме того, частица *да* может выступать и как формообразующая: она входит в состав форм будущих времен; см. исчерпывающий список этих форм для болгарского языка в [Куцаров 2007]. Обычно формообразующие функции частицы *да* не связывают с понятием *да*-конструкция, см. иную позицию в [Симов, Колковска 2004; Викторова 2005: 223].

1.1.2. Основные грамматические характеристики *да*-конструкции

Да-конструкция характеризуется значительными модально-темпоральными ограничениями на форму последующего глагола и обязательной контактностью элемента *да* с глаголом.

Ограничения на темпоральные формы выражаются в сокращенном наборе времен после *да*. Так, в болгарских предложениях с целевым *да* (7а) используется только настоящее время, а в изъяснительных, помимо настоящего (7б), возможны перфект, реже плюсквамперфект; см. подробнее в [Ницолова 2009: 121 и след.]:

(7) болг. а. *За да се разбираме* (PRES), *трябва да се изслушваме* ‘Чтобы мы понимали друг друга, нам надо друг друга выслушивать’.

б. *Не вярвам да ме лъже* (PRES.IPFV) / *излъже* (PRES.PFV) ‘Я не думаю, что (букв. ‘Не верю, чтобы’) он меня обманывает / обманет’.

в. *Не вярвам да ме е излъгал* (PERF) ‘Я не думаю, что (букв. ‘Не верю, чтобы’) он меня обманул’.

Особенно значим как темпоральное ограничение запрет на формы аориста: подчеркнутая фактивность этого времени идет вразрез со значением нефактивности, присущем *да*-конструкции, и каждый случай употребления аориста требует тщательного анализа, см., например, [Виžarоvска 2006; Иванова, Бужаровска 2016].

Ограничения на модальные формы в *да*-конструкции выражаются в выборе только изъявительного наклонения глагола. Возможны также пересказывательные формы, см. пример (8) Ю.С. Маслова с его же переводом и комментарием: «говорящий воспроизводит содержание советов, данных ему другим лицом: *Остави Деяна*» [Маслов 1981: 288]⁴, а также пример (54) с целевым предложением в разделе 2.4.1.1:

(8) болг. *Но защо сега нещо му беше тъмно и чоглаво? Да оставел Деяна... Да се борели... Но с кого? И как?* (Г. Караславов) ‘Но почему сейчас ему было что-то непонятно и не по себе? Оставить Деяна... Бороться... Но против кого? И как?’ [Маслов 1981: 288].

⁴ См. другие контексты для пересказа императивно-оптативных *да*-конструкций в [Чакърова 2009: 85–86].

Требование контактности между элементами *да*-конструкции реализуется как ограничения на разрыв *да* и глагола. Между ними допускаются лишь показатель отрицания *не*, местоименные клитики и клитические формы вспомогательного глагола *съм/сум*. Это касается и случаев, когда *да* выступает как союз, вводящий подчиненную предикацию, ср. македонские примеры (9а) и (9б).

(9) мак. а. *Да не* (NEG) *му* (DAT) *се* (REFL) *јавуваи!* ‘Не звони ему’. б. *Те замолив да не* (NEG) *му* (DAT) *се* (REFL) *јавуваи* ‘Я попросил тебя не звонить ему’.

Все указанные ограничения *да*-конструкция сохраняет в подавляющем большинстве случаев (иное будет показано ниже) во всех позициях, в которых она функционирует в болгарском и македонском языках. Такое постоянство ее морфосинтаксических характеристик, как и близкая функциональная соотнесенность с условиями употребления конъюнктива/субъюнктива в языках с морфологическим оформлением данного глагольного значения, вновь активизирует дискуссию о том, что, по-видимому, *да*-конструкция представляет собой особый балканский (аналитический) тип субъюнктива (из более новых работ на эту тему см., прежде всего, сборник [Субјунктив 2015] с богатой предшествующей литературой, см. и краткий обзор в [Alexova, Tisheva 2000; Тишева 2001]). При любой теоретической квалификации несомнен тот факт, что функции *да*-конструкции, по меньшей мере, являются конъюнктивоподобными. Напомним и до сих пор вызывающую споры в болгаристике позицию Ю.С. Маслова, указывавшего на наличие в болгарском языке конъюнктива в виде *да*-конструкции: «конъюнктив выполняет ряд специфических функций в языке <...> как модальных (выражение пожелания, неуверенности, нереальности), так и иных (служит функциональным эквивалентом инфинитива других языков)» [Маслов 1981: 193].

1.2. *Да* в небалканизированных южнославянских языках (в сопоставлении с балканославянскими)

Небалканизированные южнославянские языки демонстрируют противоположный путь синтаксического развития *да*.

В сложном предложении *да* является подчинительным союзом недифференцированного значения с широкой сферой действия. Внутриязыковые и внешнеязыковые причины, приведшие к иному синтаксическому статусу *да*, подробно описаны и подтверждены на историческом материале в значительном количестве лингвистических работ, см., прежде всего, [Седлачек 1970; Грицкат 1975; Sedláček 1982; Деянова 1985, 1986; Грковић Мејџор 2004].

Так, союз *да* в сербском языке описывается как наиболее частотный подчинительный союз, как союз асемантический, функция ко-

торого — указывать на подчинение: «Везник *да* се, рецимо, јавља као знак везе свих, или скоро свих, зависних реченица с реченицама от којих зависе...» [Стевановић 1964: 820], см. также [Седлачек 1970; Грицкат 1975; Ружић 2006: 194–195 и др.]. Ср., например, в (10) некоторые типы сербских сложноподчиненных предложений с союзом *да*, где в балканославянских языках *да* употребить недопустимо. Пример (10е) демонстрирует многофункциональность *да* (стилистически нежелательную) в едином предложении.

(10) серб.⁵

а. *Мисао да ће она отићи тешко га је погодила* ‘Мысль о том, что она уйдет, сразила его’.

б. *Чула сам да ускоро путујеш у Москву* ‘Я слышала, что ты скоро едешь в Москву’.

в. *Како да се суочим с тим да нас је тата напустио* ‘Как мне примириться с тем фактом, что папа нас покинул’.

г. *Бит ће тридесет година да је дошао у Загреб* ‘Вот уже тридцать лет, как он приехал в Загреб’.

д. *Толико се трже да јој се коса просу по врату*, букв. ‘[Она] так вздрогнула, что ее волосы рассыпались по шее’.

е. *Очигледно је да ми морамо да сарађујемо много више, много интензивније да не дође до ситуације да у подрумима поново исповедамо хришћанство* (И) ‘Очевидно, что нам нужно сотрудничать гораздо больше, гораздо интенсивнее, чтобы не дошло до ситуации, когда христианство проповедуется в подвалах’.

Полифункциональность сербского *да* не значит, разумеется, что этот союз может свободно заменять иные разнообразные сербские союзы, см. интересные наблюдения о соотносительности *да* и других сербских союзов в разных типах предложений в [Симић, Јовановић 2002: 831–1028; Пипер, Клајн 2015: 503; Ружић 2006: 194–206 и др.]. В сербском языке отмечается ряд позиций, когда союз *да* противопоставлен союзу *што*, который маркирует ситуацию как уже реализованную [Грицкат 1975: 118; Пипер, Клајн 2015: 503, 519 и др.], а пример *Радујемо се што је све у реду* ‘Мы рады, что все в порядке’ демонстрирует случай, когда замена союза на *да* невозможна [Пипер, Клајн 2015: 503].

Примеры выше показывают и иные линейно-синтаксические свойства серб. *да*: будучи обычным синтаксическим союзом, он стоит в самом начале зависимой клаузы, в противоположность обязательной контактности болгарского и македонского *да* с глаголом.

Словенский союз *да* продвинулся еще дальше в направлении полного освобождения от модальной семантики, см. показательный

⁵ Основная часть сербских примеров здесь и ниже — из грамматик, прежде всего [Пипер, Клајн 2015], также [Стевановић 1964; Трофимкина 2014].

сопоставительный обзор всех типов подчиненных клауз в словенском языке в сопоставлении с болгарским в [Деянова 1985], из новейших работ — [Uhlík, Žele 2018], также [Ухлик, Желе 2018] с русскими параллелями, ср. и примеры (13), (14) далее. См. о причинах, обусловивших разное развитие западно-южнославянских и восточно-южнославянских союзов, прежде всего, в [Седлачек 1970; Грицкат 1975; Sedláček 1982; Грковић Мејдор 2004].

Итак, способность сербского подчинительного союза *да* или словенского *da* вводить как реальные, так и ирреальные положения дел полярным образом отличает их от болгарского и македонского *да*, которое, как правило, вводит ирреальные ситуации или ситуации, не охарактеризованные во временном и модальном отношении.

При этом в балканославянских языках «нефактивное» *да* оказывается противопоставлено союзам, маркированным по фактивности. Особенно отчетливо это противопоставление проявляется в изъяснительных (дополнительных) предложениях, ср. *да* и болг. *че*, мак. *дека*, *што*. Примеры (11)–(13), содержащие придаточные с фактивным значением, иллюстрируют отличия южнославянских языков в выборе союзов: в болгарском и македонском в таких случаях должен быть использован союз, маркированный по признаку «+фактивность», как *че* и *што* в (11), а в сербском и словенском языках употребляется союз *да/da*, как в (12)–(13) или (10а,б) выше.

(11) а. болг. *Известно е, че там има нефт* ‘Известно, что там есть нефть’. б. мак. *Благодарна сум што дојдовте* ‘Я благодарна вам за то, что вы пришли’.

(12) серб. а. *Познато је да кафа штоди срцу* ‘Известно, что кофе вредно для сердца’. б. *Да избор инфинитивског облика или да-конструкција зависи и од конкретне глаголске лексеме најбоље потврђује модални глагол хтети, који у сложеном предикату увек има облик инфинитива* (пример из лингвистического комментария в [Синтакса 2005: 326]) ‘То, что выбор инфинитивной формы или *да*-конструкции зависит также от конкретной глагольной лексемы, лучше всего подтверждает модальный глагол *хтети*, который в составном сказуемом всегда имеет форму инфинитива’.

(13) словен. а. *Vsi so vedeli, da ga ne bo več nazaj* ‘Все знали, что он уже не вернется’. б. *Da ga ne posluša, ni samo grdo, ampak preprosto ni prav* ‘То, что он его не слушает, не только плохо, но и просто неправильно’, пример из [Ухлик, Желе 2017: 90].

С учетом этого различия в небалканизированных славянских языках ирреальность ситуации, вводимой союзом *да/da*, выражается формами времен и наклонений, см. словенское придаточное изъяснительное с формой кондиционала в (14а). Таким же образом ирреальность ситуации может быть выражена после союза *да* и в обстоятельственных придаточных, например целевом (14б):

(14) словен. а. *Želim, da bi pismo prišlo* (COND) *jutri* ‘Я хочу, чтобы письмо пришло завтра’, пример из [Ухлик, Желе 2018]. б. *Poklical ga je, da bi mu povedal* (COND) *dobro novico* ‘Он позвонил ему, чтобы рассказать хорошую новость’, пример из [Ухлик, Желе 2017: 90].

В завершение этой темы обратим особое внимание на то, что балканославянская оппозиция *да* и фактивно маркированных союзов *дека*, *што* последовательно реализуется только в македонском. В болгарском языке присутствует зона, в которой это противопоставление не вполне выражено. Так, при глаголах непосредственного перцептивного восприятия, вводящих сообщения о реальном положении дел, возможно присоединение придаточных как с помощью *да*, так и с помощью *че*. В литературе отмечается, что и здесь нет полной взаимозамены союзов. Предложения с *да* (*Усетих някой да ме докосва по рамото* ‘Я почувствовал, как кто-то трогает меня по плечу’) в положительной форме значительно менее частотны [Ласкова 2009; Петрова 2015], чем в отрицательной, снимающей истинность вводимой пропозиции: *Не усетих някой да ме е докосвал/докоснал* ‘Я не почувствовал, чтобы кто-нибудь дотрагивался/дотронулся до меня’.

Труднее объяснить распределение *че* и *да* в придаточных в роли предикативного определения. Данные придаточные появились на месте старославянских причастий: *и обрѣте въ црѣкѣве ... пѣнѣжъники сѣдѣшта* (Иоан, II, 14), ср. совр. болг. *Намери в църквата ... сарафи да седят* (PRES) / *че седят* (PRES) [Мирчев 1978: 260]. Они тоже вводятся предикатами восприятия и близкими к ним предикатами обнаружения, ретровосприятия (см. подробнее в [Иванова 2016]). В этом типе предложений возможен как вариант с союзом *че*, так и с *да* (*Вчера те видях, че говориш с него / да говориш с него* ‘Я вчера видел, как ты с ним разговариваешь’), причем вариант с *да* в современном болгарском языке является наиболее распространенным даже при положительном статусе управляющего глагола и единственно возможным — при отрицательном: *Не го помня да е боледувал*, букв. ‘Не помню [его], чтобы болел’. Способность *да* вводить реальное положение дел в этой позиции является наиболее весомым аргументом для того, чтобы считать маркированным в оппозиции *да/че* именно второй союз, который всегда, без исключений, вводит фактивные предикации.

По-видимому, причины синонимии болгарских союзов *да* и *че* в указанных позициях необходимо искать в истории болгарского языка. С одной стороны, реально-фактическое значение *да* развилось позже других, ср. убедительные примеры употребления *да* после глаголов перцепции в положительной форме лишь начиная с XVII в., например с хабитуальным значением: *любѣше да гледа да се бѣтѣх людѣе* (Троян 89) [Деянова 1986: 494]. С другой стороны, *че*, являясь довольно

молодым союзом⁶, в новоболгарский период еще не занял ту семантическую зону, которую он имеет в современном языке, а в некоторых болгарских диалектах *че* отсутствует и до сих пор [Мирчев 1978: 259; Деянова 1986: 494].

В простом предложении в небалканизированных южнославянских языках у частицы *да* наблюдается иное направление развития по сравнению с союзной функцией.

В словенском языке сохранился, хоть и с существенными ограничениями, ряд функций *да* как модальной частицы. В то же время произошло вытеснение *да* из императивной зоны другими частицами, прежде всего *naj* [Деянова 1982: 325–327]. Важные наблюдения о статусе *да* и соотносительности *да* и *naj* в современном словенском языке содержатся в статьях [Uhlik, Žele 2018; Ухлик, Желе 2018].

Что касается языков сербохорватской территории, они занимают промежуточное положение, располагая и недифференцированным подчинительным союзом *да*, и, в отличие от словенского, более активной *да*-конструкцией в опативно-императивной парадигме, например, [Грицкат 1975]. На этой проблеме в данной статье нет возможности останавливаться даже с целью обзора. См. о различиях сербского синтетического императива и побудительной *да*-конструкции в [Пипер, Клајн 2015] и мн. др.; из последних русскоязычных трудов [Маслова 2008; Стешевич 2015]. Отдельные зоны сохраняет *да*-конструкция как элемент составного сказуемого в конкуренции с инфинитивом, см. о разных факторах, влияющих на выбор между этими формами в сербском языке, например, в [Синтакса 2005; Пипер, Клајн 2015].

1.3. *Да*-конструкция и кондиционал: перераспределение сфер действия маркеров нефактивности в балканославянских языках

Утрата инфинитива и распространение *да*-конструкции как грамматического образования, характеризующегося контактностью *да* с глаголом, ограничениями на состав времен и семантически связанного с областью нефактивности, ведет к особому перераспределению средств выражения ирреальных значений в балканославянских языках. Прежде всего это выражается в сужении сферы действия услов-

⁶ По данным К. Мирчева [Мирчев 1978: 259], союз *че* не употреблялся ни в староболгарских, ни даже в среднеболгарских памятниках. Впервые он зафиксирован в приписке в Хлудовском паримейнике конца XIII — начала XIV в., но и то только в роли причинного союза. В поздних влахо-болгарских грамотах XV–XVI в. он обнаруживается в функции уже активного не только причинного, но и дополнительного (изъяснительного) союза, часто в виде *ча*.

ного наклонения в болгарском и македонском языках за счет активности *да*-форм и, в меньшей степени, «балканского» кондиционала. Это доказывают многочисленные исследования как более частного, так и обобщающего характера: [Пантелеева 1998], коллективные монографии [Субјунктив 2015] и [Статусот на модалната морфема *БИ* 2018] и мн. др. Сразу же оговоримся, что распространенность и функции как «славянского» условного наклонения с формантом *би*, так и «балканского» кондиционала (см. 1.3.3.) в болгарском и македонском языках несколько различаются, см. в сопоставительном аспекте [Kramer 1987/1988]. Кроме того, и в новейшей истории македонского языка наблюдаются колебания в сокращении/расширении сферы употребления условного наклонения, не говоря уже о разной ситуации в диалектах [Тополинска 2008; Гајдова 2008; Митковска 2018]. В настоящий момент в македонском литературном языке фиксируется «оживление» *би*-форм, прежде всего в аподозисе условного периода, что связывают как с влиянием сербского языка, так и с внутриязыковыми факторами [Конески 1987: 500; Бужаровска 2018].

Далее мы кратко продемонстрируем соотнесенность областей функционирования условного наклонения в русском и болгарском языках, показав те сферы, которые в болгарском языке вытеснены *да*-формами (1.3.1). В разделе (1.3.2) на материале нескольких славянских языков будут сопоставлены средства выражения ирреальной ситуации в относительных придаточных предложениях.

1.3.1. Русское сослагательное наклонение и болгарская *да*-конструкция

Если попытаться выявить зоны, в которых функционирует условное (сослагательное) наклонение в русском и болгарском языках (см. подробнее [Иванова 2018]), мы увидим существенные области расхождений, связанные с тем, что сослагательное наклонение в болгарском языке значительно сузило зону своего распространения в результате экспансии *да*-форм и «балканского» кондиционала (1.3.3).

Кратко охарактеризуем распределение этих средств выражения ирреальных значений в болгарском языке на фоне русского сослагательного наклонения, имеющего широкую сферу функционирования.

1.3.1.1. Широкая сфера действия русского сослагательного наклонения в сложном предложении обусловлена активным внедрением частицы *бы* в разные типы связующих средств (прежде всего *чтобы*), включая комбинации частиц (*вот бы, лишь бы, как бы*) с последующей *л*-формой или инфинитивом (так называемое несобственно сослагательное наклонение [Добрушина 2012]), — все это те области, которые в болгарском языке завоеваны *да*-конструкцией, например (15):

(15) болг. а. *Войникът го подзе под мишиците да го вдигне и отвлече настрана* (Д. Жотев) ‘Солдат ухватил его под мышки, чтобы поднять и оттащить в сторону’. б. *Попита, колкото да каже нещо* ‘Спросил, лишь бы что-то сказать’.

В сфере условных ирреальных придаточных русское сослагательное наклонение не имеет явных пересечений ни с *да*-конструкцией, ни с болгарским условным наклонением. Болгарский язык, в отличие от русского, уже полностью отошел от симметричного оформления условным наклонением частей сложного предложения с ирреальным условием, не считая пословиц, где отражено предшествующее состояние языка, допускавшего кондигнал в обеих частях (*Да би мирно седяло, не би чудо видяло*, букв. ‘Сидело бы спокойно, не увидело бы чудес’, ср. *Не дразни собак, и лаять не станут*).

В болгарских конструкциях с нереальным и гипотетическим условием обычно используются: в главной части — формы будущего в прошедшем («балканского» кондигнала), а в придаточной — имперфекта или плюсквамперфекта, как в (16а). Условное наклонение вместо будущего в прошедшем может появиться лишь в главной части (16б), см. о контекстах для его использования в [Китина 1991; Пантелеева 1998; Ницолова 1998; Иванова, Градинарова 2015: 337–341]. Условный союз *да*, иногда употребляемый при нереальном условии (16б), не имеет связи с *да*-конструкцией инфинитивного происхождения.

(16) болг. а. *Щях да падна* (PFUT), *ако не бях се опряла* (PPERF) *на стената* ‘Я бы упала, если бы не прислонилась к стене’.

б. *И десета година да бях* (IMPERF) *тук, опитът ми едва ли би бил* (COND) *по-богат* (Б. Райнов) ‘Будь я здесь хоть десять лет, едва ли мой опыт был бы богаче’.

1.3.1.2. В независимых предложениях отчетливые параллели русского с болгарским условным наклонением просматриваются при выражении собственно оптативного (желательного) значения, готовности к совершению действия — это основное значение условного наклонения в современном болгарском языке, см. примеры (17) из двуязычного корпуса⁷. В (18) представлено и прагматическое употребление (смягчение категоричности высказывания), оформляющееся условным наклонением в обоих языках:

(17) а. *Колбаску би он сейчас тоже ломанул, хорошии кусице!* (А. Рыбаков). — *Сега би нагънал* (COND) *и някое голямо парче салам* (пер. З. Петровой).

б. *Виж, на теб не бих се наел да го обяснявам* (К. Топалов) ‘Знаешь, тебе бы я не взялся это объяснять’.

⁷ Примеры с указанием фамилии переводчика взяты из корпуса «Успокоен корпус на руски и български текстове» (<http://rbcorpus.com/index2.php>).

(18) *Бих искал* (COND) *да кажа* няколко думи на баща ви във връзка с това (Д. Димов) ‘Я бы хотел сказать несколько слов вашему отцу в связи с этим вопросом’.

Однако и в независимых предложениях наблюдаются значительные зоны, где русскому сослагательному наклонению (особенно в его «несобственных» формах) соответствует болгарская да-конструкция. Это связано с тем, что значение желательности в независимых употреблениях сослагательного наклонения в русском языке часто трансформируется в значение целесообразности (19а), сожаления о неосуществленном действии (19б), приказа или строгого запрета (19в) и таким образом входит в императивную зону, где в болгарском языке активна именно да-конструкция, которая выражает эти значения прежде всего через вариации результативных форм прошедшего плана — перфекта и плюсквамперфекта [Ницолова 2008: 409–423].

Ср. русские переводы в примерах (1)–(2) выше или болгарские параллели для русских примеров (19а–в):

(19) а. *Лег бы ты уже / Лечь бы тебе уже.* — *Да беше вече си легнал* (PPERF).

б. *Эх, вернуться бы нам тогда. / Если б нам тогда вернуться!* — *Да бяхме се върнали* (PPERF) *тогава.*

в. *Чтоб ноги твоей здесь не было!* — *Да не си стъпил* (PERF) *повече на прага ми!*

Апрехенсивное употребление частицы *как бы не* и «контроплативного» инфинитива в русском языке [Добрушина 2006; Дымарский 2015] показывает параллели с аналогичным апрехенсивным значением отрицательной да-конструкции:

(20) болг. а. *Да не ни засекаат!* ‘Как бы нас не засекали!’ б. *Да не падна!* ‘Как бы [мне] не упасть! / Не упасть бы!’

В целом, как в простом, так и в сложном предложении именно да-конструкция охватывает наибольшую часть тех значений, что выражает русское сослагательное наклонение. Общность сфер употребления сослагательного наклонения в русском языке и да-конструкции в болгарском связана со значением возможности, гипотетичности, которое является, с одной стороны, основным для да-конструкции как в самостоятельном, так и в зависимом употреблении, и, с другой, свойственно и «несобственно» сослагательному наклонению в русском языке.

Показательной иллюстрацией этого является группа относительных придаточных с «гипотетическим» [Добрушина 2011; Dobrushina 2012] значением.

1.3.2. Относительные предложения: оформление ирреальных значений

Ярким примером грамматических различий между славянскими языками в использовании средств выражения ирреального значения

являются относительные предложения, определяющие несуществующие объекты или такие, о существовании которых ничего не известно. В русском языке, как показано Н.Р. Добрушиной [Добрушина 2011; Добрушина 2016], в таких относительных придаточных употребляются (или могут употребляться, наряду с индикативом) формы сослагательного наклонения. Как маркируется это значение в балканизированных и небалканизированных языках южнославянской группы?

В болгарском языке в таких придаточных при релятиве регулярно появляется модальное наращение *да* [Gořab 1954: 73; Пенчев 1984: 118; Bužarovska, Mišeska Tomić 2009; Иванова, Градинарова 2015: 277–279]. Условия употребления сочетания релятива с модальной частицей *да* совпадают с выделенными Н. Р. Добрушиной условиями, требующими использования русского сослагательного наклонения в таких относительных придаточных. Перечислим основные типы контекстов:

а) отсутствие существования или наличия характеризуемого объекта; в главном предложении это обозначается предикатным отрицанием, глаголами с семантикой создания нового объекта, введения нового объекта в личную сферу говорящего и др. [Добрушина 2011], см. (21)–(22);

б) сомнение в существовании объекта, например имплицированное в вопросе (23);

в) малая вероятность существования объекта, выраженная обстоятельством (24):

(21) *Няма жена на тоя свят, която поне веднъж през живота си да не направи нещо безумно и непоправимо* (П. Вежинов) ‘Нет женщины, которая хоть раз в жизни не совершила бы чего-то безрассудного и непоправимого’ (пер. М. Тарасовой).

(22) *Трябва ни човек, който да вкарва по 15–20 гола на сезона* (И) ‘Нам нужен человек, который бы забивал по 15–20 голов в сезон’.

(23) *Има ли човек, който да го надприказва?* ‘Есть ли человек, который бы его переговорил?’

(24) *Рядко се срещат хора, които да не притварят блажено очи, когато усетят нежния аромат на ванилия* (И) ‘Редко встречаются люди, которые бы не прикрывали блаженно глаза, когда почувствуют нежный аромат ванили’.

Появление болгарского условного наклонения в подобных контекстах отмечается прежде всего в прагматической функции при модальных глаголах:

(25) *Он проспал остаток дня, ночь и продолжал спать так, что казалось, нет в мире силы, которая могла бы* (COND) *нарушить его сон* (Б. Полевой) ‘Проспа остаток от дня, ночь и продолжаваше да спи така, като че ли нямаше на света сила, която би могла (COND) да наруши съня му’ (пер. К. Георгиева).

Первые примеры употребления болгарского *да* как маркера ирреальности, сопровождающего другие подчинительные союзные средства, в частности в определительных (относительных) придаточных, отмечены М. Деяновой в Чергедских молитвах XVI в., пример (26а), ср. и более поздний пример (26б). В народной речи XVII–XIX вв. преобладали, однако, такие определительные придаточные, в которых относительное местоимение вообще отсутствовало (26в):

(26) а. ...*че друга помощ мие нимаме, от гѣула **што да** ни слободи*. б. ...*требе да учредите в него и едно книгохранилище, в кое по малко **да** се сабират книги* (Рилска преправка на История славяноболгарская). в. *чловѣка немаме **да** помогне нам* (Л 88а); *нема мѣсто нигде него **да** задрѣжи* (Троян 228) [Деянова 1986: 491, 493].

Такие примеры не исключены и в современном болгарском, особенно в разговорном языке:

(27) *Около мен не познавам никой **да** живее под наем* (И) ‘В моем окружении я не знаю никого, кто бы жил на съемной квартире’.

В македонском языке отсутствие релятивного местоимения в относительных придаточных является литературной нормой (28а), ср. болг. (28б):

(28) а. мак. *Нема никој **да** те замени* ‘Нет никого, кто бы тебя заменил’. б. болг. *Няма никой, **който да** те замени* (То же).

Отсутствие релятива ведет к формальному неразличению относительных придаточных с *да* и целевых предложений. Проблеме обнаружения условий для выявления определительной или целевой семантики подобных построений посвящена содержательная статья [Vužarovska, Mišeska Tomić 2009], где показана важнейшая роль референциальных факторов (ср. соответственно примеры (29а) и (29б):

(29) мак. а. *Барам човек **да** го поправи кровот* ‘Мне нужен человек, который бы отремонтировал крышу’. б. *Барам скала **да** го поправам кровот* ‘Мне нужна лестница, чтобы отремонтировать крышу’.

Современный сербский язык также располагает возможностью введения придаточного с *да* без релятива, однако для более точного выражения данного значения имеются и иные способы, прежде всего использование релятивных клауз с формой кондиционала (30а); см. и статью [Јанић 2014], где автор предлагает (в качестве другого функционального варианта для выражения данного значения) придаточное, вводимое союзным подчинительным комплексом *а да* (30б):

(30) серб. а. *Обдукција показала **да** на тијелу Лазаревског нису пронађене повреде **које** би увјетовале (COND) смрт* (И) ‘Вскрытие показало, что на теле Лазаревского не найдены травмы, которые могли бы закончиться смертью’. б. *Тражим посао **а да** није тежак*, букв. ‘Я ищу работу, но чтобы не трудная’.

В словенском языке возможны (в разных контекстах с разными оттенками значений) как формы условного наклонения (31а), так и

индикатив. Показательно привлечение футуральных форм (31б) для обозначения гипотетических ситуаций.

(31) словен. а. *Ni človeka, ki ne bi slišal* (COND) *zanj* ‘Нет человека, который бы не слышал о нем’. б. *Zdaj ji moraš nujno povedati nekaj, kar jo bo pomirilo* (FUT) ‘Сейчас ты должен непременно сказать ей что-нибудь, что бы ее успокоило’.

1.3.3. «Балканский» кондиционал

Как известно, значительная сфера ирреальности в болгарском и македонском языках охвачена формами так называемого балканского кондиционала⁸. Поскольку здесь невозможно дать даже краткий обзор сфер его функционирования, предлагаем в качестве примера список основных функций болгарского будущего в прошедшем. Эта форма имеет, помимо прямого темпорального значения (следования в прошлом), такие функции в сфере ирреальности, как обозначение неосуществленного или маловероятного действия в условном периоде (32), авертив (33), намерение в прошлом (34), прерванное действие (35), припоминание (36).

(32) *Ako ne se беше разплакала, щях отново да я нахокам* (П. Вежинов) ‘Если б она не расплакалась, я бы ее опять отчитал’.

(33) *Щях да забравя!* ‘Чуть не забыл!’

(34) *Ние щяхме да ходим на Витоша, но времето се развали* ‘Мы собирались на Витошу, но погода испортилась’.

(35) *Той щеше да ѝ помогне, но тя го погледна с ненавист* ‘Он хотел было помочь ей, но она посмотрела на него с ненавистью’.

(36) *Какво ли щях да ти кажа...* ‘Что же я хотел тебе сказать...’

Итак, в балканославянских языках в связи с исчезновением инфинитива и расширением сферы действия *да*-конструкций (как тех, которые заменили инфинитив, так и возникших на иных позициях) произошло сужение функций условного наклонения. Часть ирреальных значений взял на себя «балканский» кондиционал.

Спецификация этих трех форм зоны ирреальности позволила З. Тополинской заключить, что славянские балканские языки сейчас располагают тремя сериями парадигм для выражения нефактивных положений дел: «наследената словенска парадигма во функција на potentialis со формант *би*, новоизградениот по балкански модел velle-conditionalis со две парадигми (praesentis и praeteriti) и *да*-subjunctivus (praesentis и praeteriti)» [Topolińska 2009: 306].

⁸ Македонский и болгарский «балканский» кондиционал, по крайней мере в литературных языках, различается формально (ср. болг. *щях да чета* и мак. *ке читав*), а также имеет некоторые функциональные отличия, которых мы здесь не касаемся, см. об этом, например, [Тополинска 1996: 81–82].

Раздел 2. Составные союзы как отражение разной судьбы *да* в южнославянских языках

Далее мы покажем, сохраняют ли балканизированные и небалканизированные южнославянские языки указанные выше различия в грамматических и семантических свойствах предикаций с союзом *да* в тех случаях, когда *да* становится частью многокомпонентного союза. В 2.1.–2.3. характеристики предложений с составными союзами в языках с недифференцированным по фактивности/нефактивности союзом *да* (на материале сербского и, в меньшей мере, словенского языка) будут сопоставлены с ситуацией в балканославянских языках (на материале болгарского и, контрастивно, македонского языков). Мы будем рассматривать только союзы с *да* в обстоятельственных предложениях, поскольку ни в изъяснительных, ни в относительных придаточных болгарского и македонского языков таких составных союзов нет⁹.

Сначала необходимо отметить случаи, при которых сочетание частицы *да* с союзом, по нашему мнению, не должно рассматриваться как составной союз.

1. Нет оснований рассматривать как составные союзы такие сочетания, в которых союз может быть употреблен самостоятельно, а роль *да* состоит только в модальной маркированности подчиненного сказуемого. Выше был разобран случай с болгарскими относительными придаточными, содержащими модальное наращение *да*. Есть и другие союзы с такими свойствами: пары союзов болг. *докато* и *докато да*, их варианты *дорде* (*да*), *догдето* (*да*), а также *откъдето* (*да*) различаются лишь модальностью в случае наличия *да*. На это обратила внимание еще М. Деянова [Деянова 1979: 424], ср. ее же пример (37а) и пример (37б) без модального наращения:

(37) а. *Никога не сме се изкатерили чак там, откъдето да може да се види и Бялото море* (устная речь) ‘Мы никогда не поднимались туда, откуда можно было бы увидеть Эгейское море’. б. *Никога не сме се изкатерили чак там, откъдето може да се види и Бялото море* ‘Мы никогда не поднимались туда, откуда можно увидеть Эгейское море’.

М. Деянова, однако, относит к этому же ряду и другие синтаксические явления, ведущие к соположению союзов, см. ее же пример (38) далее.

⁹ Напомним, что *да* в относительных придаточных мы рассматриваем как модальное наращение к релятиву (см. 1.3.2), а союзный комплекс *да не би да* в изъяснительных придаточных — как сочетание апрехенсивной частицы *да не би* с союзом *да* (см. 2.2). Других составных комплексов с *да* в этих типах придаточных нет.

2. Простые союзы могут соединять в сложное предложение сочиненные *да*-конструкции. Обычно такие *да*-конструкции представляют самое общее обозначение действия — как это свойственно, например, абстрактной семантике инфинитива в других языках, см. об этом [Маслов 1981: 290]; в таких случаях нет оснований считать, что *да* принадлежит составному союзу, см. пример (38), где сочиненные элементы *да правиш* и *да отстъпваш* соединены простым союзом *като* ‘как’¹⁰. При этом в болгарском языке существует и составной союз *като да* со специфицированным сравнительным значением, см. раздел 2.4.3.2.

(38) *Да правиш рокади същото ли е като да отстъпваш?* ‘Делать замены (букв. рокировки) — это то же самое, что (букв. как) уступить?’. Ср. трансформацию с номинализацией: *Правенето на рокади същото ли е като отстъпване?*

Точно так же от составного союза *отколкото да* (39) необходимо отличать разрывную компаративную конструкцию с наречием в сравнительной степени в главной части и союзом *отколкото*, соединяющую две сочиненные *да*-конструкции (40):

(39) *По-добре говори с него, отколкото да му пишеш* (пример Й. Пенчева [Пенчев 1998: 128]) ‘Лучше говори с ним, чем ему писать’.

(40) *Оказа се, че да управляващ такъв самолет е по-лесно, отколкото да се научиш да караш велосипед* (Л. Дилов, БНК) ‘Оказалось, что управлять таким самолетом легче, чем научиться ездить на велосипеде’.

(41) *Страхът прави нещата много по-различни, отколкото са* (А. Стойкова и др.) ‘Страх делает вещи совсем не такими, какие они есть’, *букв.* ‘...намного более другими, чем они есть’.

Кроме того, пара союзов *отколкото* и *отколкото да* является примером того, что наличие *да* может привести к изменению семантико-структурного типа обстоятельственного предложения. Союз *отколкото* вводит предложения меры и степени (компаративный подтип), ср. примеры (40)–(41), в то время как союз *отколкото да* (39) вводит придаточное с замещающей семантикой (см. 2.4.1.2), впрочем, традиционно и необоснованно относимое тоже к компаративным. Убедительные наблюдения над синонимией *отколкото да* и замещающих союзов *вместо да*, *наместо да* и более редкого *нежели да* приведены в [Радева 2015: 405–407].

3. Имеются промежуточные случаи между союзным комплексом и составным союзом (*да не би да*, *та да*, *па да*, которые рассматриваются в разделе 2.2).

¹⁰ В [РБЕ] лексема *като* в сравнительно-уподобительном значении в рамках простого предложения определяется как «наречие-предлог». Мы считаем ее союзом во всех ее сравнительных употреблениях, подобно русскому союзу *как* в разного рода сравнительных конструкциях [Кустова 2013: 115–118; Летучий 2015].

2.1. Дистанционность /контактность составного союза и предиката зависимой части

В небалканизированных южнославянских языках, как было показано выше, например (10), допускается свободное помещение ортологических слов между *да* и сказуемым. Это свойство сохраняется и в предложениях с составными союзами, т.е. составной союз неразрывен и всегда занимает начальное положение в придаточной части, как и любой типичный союз. Примеры (42) иллюстрируют отсутствие контактности *да* и сказуемого (последнее подчеркнуто). В примере (42б) сразу за союзом *тако да* следуют элементы глагольной формы — футурный маркер *ће* и возвратная частица *се*, но это связано с тем, что сербский язык относится к языкам 2Р-позиции, т.е. допускает «ваккер-нагелевский» вынос клитик.

(42) серб. а. *Фудбал је омиљена тема кафанских разговора, **толико да** чак и политику баца у засјенак* ‘Футбол — любимая тема разговоров в кафе, настолько, что даже и политика уходит на второй план’, пример из [Пипер, Клајн 2015: 524].

б. серб. *Четвртак и петак су празнични дани, **тако да** ће се засједање наставити у понедељак* ‘Четверг и пятница — праздничные дни, так что заседание будет продолжено в понедельник’.

в. серб. *Радије слушај друге људе **уместо да** сама говорим* ‘Я предпочитаю слушать других, вместо того чтобы самой рассказывать’.

г. словен. *Žal pogosto ne pomaga nič, **razen da** dojenčka nosimo na rokah* ‘К сожалению, часто ничего не помогает, разве что младенца носить на руках’.

В балканославянских языках в составных союзах сохраняется категорический запрет на вставку иных элементов, кроме отрицания и клитик, между компонентом *да* и сказуемым (43).

(43) болг. *Обиди ме, **без да** съм ти направил (PERF) нищо* (С. Вълев) ‘Ты обидел меня, хотя (а ведь) я тебе ничего не сделал’.

В [Корубин 1969: 48–49] приведены примеры из македонского языка со вставкой частей придаточного между составным союзом и предикатом, но автор однозначно квалифицирует их как ошибочные и связывает их с влиянием сербского языка.

2.2. Возможность разрыва компонентов союза

В небалканизированных южнославянских языках не допускается разрыв компонентов составных союзов элементами вводимого придаточного предложения.

В балканославянских языках нормативен (за исключением болг. *за да* и, по-видимому, *колкото да* в целевом значении [Иванова 2017а;

Мосинец 2018]) разрыв компонентов составных союзов: частицами, актантными синтаксическими группами, группами обстоятельственного значения (далее подчеркнуты). Этот разрыв связан с тем, что элемент *да* требует контактности с глаголом, поэтому он не может сохранить свою позицию, если глагол стоит не сразу после союза.

Между частями союза могут оказаться как тематизированные компоненты, так и — реже — коммуникативно выделенные.

(44) болг. а. *Смята се, че е автор на повече от хиляда творби, макар те никога да не са описани* ‘Считается, что он автор более чем тысячи произведений, хотя они никогда не были описаны’.

б. *Сам обясни всичко на хората, без да се пали и без тях да пали* (Б. Димитрова) ‘Он все объяснил людям, сам не кипятясь и их не заводя’.

(45) мак. а. *Та си кажса по пријателите и по родовите за никој од дупка надвор да не излегува* ‘И сказали приятелям и родным, чтобы никто [из крыс] из норы наружу не высовывался’ [Усикова 2003: 273].

б. *Зборувајте француски без воопшто да го учите* (И, реклама) ‘Говорите по-французски, вообще не уча его (букв. без вообще чтобы учить его)’.

Это свойство составных союзов свидетельствует о незавершенном обретении болгарскими и македонскими союзными комплексами с *да* статуса цельных союзов, что является следствием процесса с прямо противоположным структурным эффектом, а именно тенденции к грамматикализации *да* как конъюнктивноподобной частицы. Показательным является и поведение компонентов союза в случаях повтора при связывании сочиненных частей: при втором сочиненном компоненте достаточно использования только элемента *да*:

(46) мак. *За војната да не се повтори и да се потрети, треба да се војува* (В. Малески) ‘Чтобы война не повторилась и не началась в третий раз, нужно воевать’ (пример и его перевод из [Усикова 2003: 273]).

Составной союз или союзное соединение? Существуют союзные соединения с *да*, допускающие вставку значительных по объему синтаксических групп из подчиненной предикации и даже другие предикативные единицы. Такие случаи мы называем союзными соединениями и далее не рассматриваем. Наибольшие возможности для вставки синтаксически разнообразных групп демонстрирует болгарский союз *да не би да*, что позволяет, наряду с семантическими аргументами, предположить, что этот комплекс представляет собой не сложный союз, а апрехенсивную частицу *да не би* с последующим союзом *да*; см. подробнее в [Иванова 2014]; о функциях частицы *да не би* в независимых предложениях [Иванова, Бужаровска 2016]¹¹.

¹¹ Те же структурные свойства демонстрирует и *да не би да* в изъяснительном предложении, где это единственный союзный комплекс с *да*: *Навар-*

(47) болг. а. *Любопитните винаги обичат да държат главите си над другите глави, да не би случайно нещо от погледа им да убегне* (Й. Радичков) ‘Любопытные всегда стараются держать свои головы выше других, а то вдруг случайно что-то от их взгляда ускользнет’.

б. *Казвал съм вече, че човек трябва да внимава, когато чете книги — да не би самолекувайки се по напечатани медицински и фармацевтични учебници и справочници, да умре от печатна грешка, например* (БНК) ‘Я уже говорил, что нужно быть осторожным, читая книги, — чтобы [‘а то вдруг’], лечась самостоятельно по медицинским и фармацевтическим учебникам и справочникам, не умереть, например, от опечатки’.

Такие же сомнения вызывают сочетания типа *та да, па да*, представляющие, на наш взгляд, соположение простого сочинительного союза с семантикой следствия (*та*) и последовательно совершающихся действий (*па*) и целевого союза *да*. Каждый из компонентов комплекса сохраняет свое значение при совместном употреблении, возможны и нехарактерные для составных союзов случаи разрыва, например вставка зависимой предикативной конструкции *като дойда*:

(48) *Апарата мога да го донеса понеделник, вторник... Обади ми се, та като дойда да гонося* (И) ‘Я могу принести (фото)аппарат в понедельник-вторник. Позвони мне, [так что] когда пойду, чтобы я его захватил’.

2.3. Способность к обозначению реальных / ирреальных ситуаций

В небалканизированных южнославянских языках, где недифференцированный союз *да* способен вводить как ирреальное, так и реальное положение дел, это его свойство сохраняется и при составных образованиях с *да*:

(49) серб. а. *С обзиром на то да је сезона при крају, не очекујемо још много туриста* [Пипер, Клајн 2015: 522] ‘С учетом того, что сезон приближается к концу, мы уже не ожидаем много туристов’.

б. *Зјенице јој се раширише толико да се уплаши сама себе* (Ј. Барковић) ‘Зрачки у нее расширились так, что она испугалась самой себя’.

(50) словен. *Kljub temu da je konkurenca zelo močna, je podružnica naše banke zelo uspešna* ‘Несмотря на сильную конкуренцию, у филиала нашего банка дела идут хорошо’.

но се плашеха да не би «въздушните крепости», раздразнени, да си хвърлят над тях страшния товар (П. Вежинов) ‘Наверное, боялись, как бы «летающие крепости», разъярившись, не сбросили на них свой страшный груз’ (пер. Л. Лихачевой); см. подробнее [Иванова, Градинарова 2015: 313–317].

В балканославянских языках свойство *да*-конструкции обозначать ситуацию как ирреальную в большинстве случаев при составных союзах сохраняется, но может быть и нейтрализовано. В разделе 2.4. мы подробнее рассмотрим этот вопрос с учетом темпоральной парадигмы сказуемого в этих предикациях.

2.4. Особенности модально-временной парадигмы сказуемого в составных союзах с *да* в балканославянских языках

Составные союзы, включающие *да*, в балканославянских языках диктуют разную степень темпоральных ограничений на сказуемое зависимой предикации. Мы рассмотрим это на материале болгарского языка (приводя македонский язык в качестве контрастивного).

По степени наличия/отсутствия темпоральных ограничений для сказуемого придаточной части можно выделить три группы союзов.

1. Первая группа составных союзов диктует жесткие темпоральные ограничения, налагаемые союзом *да*, т.е. только (или как правило) настоящее время сказуемого зависимой клаузы: *за да, колкото да, отколкото да, вместо да* и др.

2. Вторая группа допускает еще и формы перфекта и, реже, плюсквамперфекта (*преди да, без да*).

3. Наконец, третья группа составных союзов с *да* (уступительные, условные, сравнительные) имеет лишь небольшие темпоральные ограничения на сказуемое вводимой клаузы.

Тем не менее, и третья группа составных союзов с *да* в современном болгарском языке характеризуется контактностью *да* с глаголом.

Встает вопрос, почему, приняв такую важнейшую характеристику *да*-конструкции, как контактность с глаголом, предложения с союзами третьего типа имеют широкие темпоральные возможности, не характерные для *да*-конструкции? Ответ на этот вопрос, предположительно, может быть следующим. С одной стороны, грамматикализация *да* как конъюнктивоподобной частицы привела к распространению структурных свойств *да*-форм на смежные зависимые употребления, в частности уступительные¹². С другой стороны, широкий набор времен подчиненного сказуемого в этих предложениях — результат иной истории становления этих предложений (см. п. 2.4.3) и, помимо того, поддерживается и типом придаточного предложения: те придаточные, которые способны обозначать разные (по временному соотношению с ситуацией главной части) положения дел, фактивные и нефактивные

¹² См. ряд примеров из исторических памятников, свидетельствующих об этапах перемещения *да* к глаголу и становлении его как уступительного союза в [Деянова 1986: 492].

ситуации, сохраняют широкие темпоральные возможности. К ним как раз относятся уступительные предложения, а также — с некоторыми оговорками — сравнительные. Если же придаточные предназначены для обозначения гипотетических ситуаций — основной сферы действия *да*-конструкций, — в них удерживается узкий набор времен (как в целевых и заместительных). Хотя эти предположения требуют отдельного объемного исследования, в том числе и данных о развитии союзов в разные исторические эпохи, мы постараемся ниже показать это на примере современного состояния.

2.4.1. Союзы с жесткими временными ограничениями

2.4.1.1. Жесткие временные ограничения (только настоящее время глагола, иное редко) демонстрирует вся группа составных союзов, имеющих целевое значение. Это основной целевой союз *за да* ‘чтобы’, союз приоритетной цели *само да* ‘только бы’, союз ограниченной цели или формально осуществляемого действия *колкото да* (‘лишь бы’) ¹³, желательной цели — *дано да* ¹⁴, сложный союз *с цел да* ‘с целью того чтобы’ и нек. др.:

(51) *Изваждада му бушоните, за да пести* (PRES) *ток* (Ц. Марангозов) ‘Выкручивала у него пробки, чтобы экономить электричество’.

(52) *Викаше и размахваше ръце, само да обърне* (PRES) *внимание върху себе си* ‘Кричал и размахивал руками, только бы обратить на себя внимание’.

(53) *Стойна изви очи към Лазара, дано той да я задържи* (PRES), *но той нищо не каза...* (Д. Талев) ‘Стойна взглянула на Лазара в надежде, что он ее остановит, но он ничего не сказал’.

Ограничения на время сказуемого подчиненной предикации здесь наиболее значительные, так как все целевые предложения содержат сообщения о гипотетической ситуации, что полностью соответствует основному значению подчиненной *да*-конструкции. Случаи употребления других времен редки. Так, оба примера на имперфект в [ГСБКЕ 1983: 382] фиксируются при союзных комплексах *та (дано) да* и *да не би да*, статус которых как цельного составного союза подвергается нами сомнению (см. 2.2). В Болгарском национальном корпусе фиксируются также случаи имперфекта после союза *за да* в контекстах рассказа о прошедших событиях («согласование времен»), в основном

¹³ О специфике союза *колкото да* и его русских соответствиях см. [Иванова 2017а].

¹⁴ При использовании союза *дано (да)* выражаются «целевые отношения, сочетающиеся с модальной семантикой желания и надежды» [Градинарова 2010: 106], ср. рус. *в надежде, что*.

формы глагола *мога*. Однако в исследованиях современной художественной речи [Мосинец 2018] таких употреблений (из 700 контекстов с *за да*) не отмечено.

Строгие ограничения времен при союзе *за да* имеются в македонском языке. Случаи употребления условного наклонения вместо презентных форм расцениваются как нарушающие норму и связываются с влиянием сербского языка [Минова-Гуркова 1994: 260; 1997: 37].

Заметим также, что целевые предложения являются тем типом обстоятельственных придаточных, которые чаще всего допускают (для выражения чужой цели, а не цели субъекта речи) пересказывательные формы, а именно формы пересказа для настоящего времени в болгарском языке [Мосинец 2017: 415], и формы перфекта с пересказывательным значением в македонском языке. Такие предикации обозначают только гипотетические ситуации:

(54) *Криста седна до него и веднага ги пхна под носа му, за да ги помиришел* ‘Криста села рядом с ним и сразу сунула их ему под нос, чтоб, мол, понюхал’.

(55) мак. *Тенковите одеа во Дебарца за да гонеле наши војски* ‘Танки шли в Дебарцу, чтобы якобы преследовать наши войска’ [Минова-Гуркова 1994: 260].

2.4.1.2. Жесткие ограничения демонстрируют и все болгарские союзы с замещающим значением: *вместо да* (*наместо да*, устар. *нежели да*), *отколкото да* (см. о нем выше). Эти ограничения поддерживаются семантикой придаточного: замещаемое действие может в реальности осуществляться (или уже осуществиться) или быть только планируемым, но форма глагола в придаточной части никак не маркирует эту информацию, таким образом сообщая о действии безотносительно времени его реализации (как инфинитив в других языках, см. и переводы ниже). Данные о гипотетичности или осуществленности действия выявляются только из контекста.

(56) а. *А сега, вместо да се успокоя* (PRES), *изведнџ се почувствах в някакъв идиотски вакуум* (П. Вежинов) ‘Однако, вместо того, чтобы окончательно успокоиться, [я] почувствовал себя в каком-то странном вакууме’ (пер. М. Тарасовой).

б. *Вместо да се занимаваш* (PRES) *с глупости, започни да ходиш на фитнес* (И) ‘Вместо того чтобы заниматься глупостями, начни ходить на фитнес’.

Темпоральная нейтрализация подчиненной предикации наблюдается и в предложениях с союзом *освен да* ‘кроме как’. В отличие от союзов *освен че* и *освен дето* (‘кроме того что’), он обозначает действие, исключаящее все другие, тем самым сближаясь семантически с замещающими союзами. Этот союз всегда указывает на действие безотносительно времени его реализации, используя наименее мар-

кированную форму настоящего времени глагола. О функциональных соответствиях этому союзу в русском языке см. [Градинарова 2017: 307–320]:

(57) а. *Какво можеше да каже утре на майката, **освен да** разстрои и нея?* (П. Вежинов) ‘Что он скажет завтра матери? Только еще больше расстроит’ (пер. Л. Лихачевой), ср. и: ‘Что он мог сказать завтра матери, кроме как расстроить и ее?’

б. *И не можеше да направи нищо в тоя миг, **освен да** диша дълбоко и да усеца как постепенно се възвръщат силата му и неугасимата жажда за живот* (П. Вежинов) ‘И ничего не мог поделывать с собой в эту минуту — только глубоко дышал, чувствуя, как возвращаются к нему силы и неугасимая жажда жизни’ (пер. Р. Белло), ср.: ‘кромe как глубоко дышать и чувствовать, как...’

2.4.2. Союзы с допуском перфектных форм: реинтерпретация глагольных граммем подчиненного сказуемого

Важная характеристика составных союзов с временными ограничениями на форму сказуемого связана с тем, что глагольные граммемы подчиненного предиката могут подвергаться переосмыслению под воздействием показателя нефактивности *да*, что особенно очевидно при союзах *преди да*, *без да*, где набор глагольных форм сказуемого включает не только настоящее время, но и перфектные формы. Эти «добавочные» формы не соотносятся напрямую с прошедшим действием. О переосмыслениях глагольных категорий в предложениях с *без да* см. работу [Иванова 2017б]. Здесь проиллюстрируем наше утверждение на примере предложений с союзом *преди да*.

В болгарских предложениях с союзом *преди да* перфект (вместо настоящего) служит для отражения разных значений категории результативности по отношению к гипотетическим ситуациям. Ср. (58а) и (58б): предложение с презентной формой указывает только на временные рамки основного действия, а в предложении с перфектом наступление темноты представлено как неизбежная и нежелательная ситуация:

(58) а. *Мисля да съм там малко **преди да** се смрачи* (PRES), към 18:30 ‘Я планирую быть там незадолго до того, как стемнеет, примерно в половине седьмого’.

б. *Работното време на търговските обекти е фиксирано така, че те да затварят **преди да** се е смрачило* (PERF), *когато опасността се увеличава* ‘Рабочее время торговых объектов определено так, чтобы они закрывались до того, как стемнеет, когда опасность увеличивается’.

Ср. и следующую пару предложений: в (59) в придаточном предложении с глаголом в настоящем времени уточняются темпоральные рамки осуществления действия в главной части, в то время как в (60) перфектная форма в придаточном указывает на необходимость предотвращения действия:

(59) *Той тил вино, **преди да** убие (PRES) детето* ‘Говорят, он выпил вина, перед тем как убить ребенка’.

(60) *Трябва да го заловим, **преди да** е убил (PERF) оцѐ някого* ‘Мы должны поймать его, пока он не убил кого-нибудь еще’.

В македонском языке союз *пред да* всегда употребляется только с настоящим временем глагола, ср. македонское соответствие примеру (60) — как единственно возможный вариант: *Требва да го фатиме **пред да** убие (PRES) уште некој*.

2.4.3. Союзы с минимальными временными ограничениями

Третья группа составных союзов с *да*, — это союзы, вводящие уступительные, условные, сравнительные придаточные предложения. Отсутствие существенных темпоральных ограничений здесь во многом объясняется иной историей *да*, появившегося не на инфинитивных позициях. В старославянском языке имела частица *да*, сопровождавшая условные и условно-уступительные союзы, она постепенно обрела союзные функции, стала сама вводить условное предложение, а также вошла в состав уступительных союзов [ГСБКЕ 1983: 393, 403–405; Деянова 1986: 492–493, 495; Дограмаджиева 1984: 194, 210; ГСБЕ 1993: 509].

Характерной особенностью данных предложений является то, что они приняли такую важнейшую характеристику *да*-конструкции, как приглагольное поведение элемента *да*, что обуславливает возможность разрыва компонентов союза (пример 61 ниже) и возможность вставки только клитических элементов между *да* и глаголом, но никакие другие, семантические и грамматические, особенности *да*-конструкции на них не распространяются. Набор времен подчиненного предиката ограничен лишь несущественно. Рассмотрим подробнее.

2.4.3.1. В уступительных предложениях элемент *да* присутствует в союзах «собственно»-уступительных (*макар да* ‘хотя (и)’), условно-уступительных (*и да, дори и да* ‘пусть и’), а также в местоименно-союзных комплексах с усилительно-уступительным значением (*който и да* ‘кто бы ни’, *когато и да* ‘когда бы ни’ и др.).

Времена в предложениях с уступительными союзами в целом употребляются в своих обычных значениях. Уступительные союзы могут вводить реальные ситуации. Ср. констатацию из [ГСБКЕ 1983: 403]: «Все уступительные союзы и союзные средства могут быть использо-

ваны при реальном условии, некоторые из них только при реальном (*макар че, при все че, колкото и да*), другие при реальном и потенциальном (*макар и да, ако и да*), а третьи еще и при ирреальном (неосуществимом) условии (*и да*). Так и в примерах (61)–(62) союз *макар да* вводит реальные положения дел:

(61) **Макар** *представлението да беше започнало* (PPERF), *пред касата на театъра все още се тълпяха войници* (П. Вежинов) ‘Хотя представление уже началось, перед кассой театра все еще толпились солдаты’.

(62) *И те бяха направени от същите материали, макар да се различаваха* (IMPERF) *по форма* ‘И они были сделаны из того же материала, хотя и различались по форме’.

При этом сказуемое здесь используется без существенных темпоральных отличий от предложений с союзом *макар че*, включающим «фактивный» союз *че*. Единственное ограничение для *макар да* касается времен будущего временного плана и кондиционала [Ницолова 2004: 125]. Но это ограничение, думается, связано не с модальной семантикой *да* (которой здесь нет), а с требованием контактности *да* с глаголом, в связи с чем не допускается вставка проклитических элементов *ще* и *би*. Ср. такую возможность для союза *макар че*:

(63) *Никой магазин не е снабден с всичко, макар че ще се опитат* (FUT) *да ви убедят, че е точно така* ‘Никакой магазин не снабжен всем, хотя вас попытаются убедить, что это именно так’ (И).

В усилительно-уступительных составных комплексах «относительное местоимение/наречие + усилительная частица *и* + *да*» ограничения на временную форму сказуемого касаются тоже времен будущего плана (футурум, футурум экзактум и будущее в прошедшем) [Дограмаджиева 1974: 421], но преобладающими являются форма настоящего времени и — для прошедшего плана — имперфект, причем от глаголов совершенного вида, что подчеркивает значение многократности и хабитуальности:

(64) **Който и да дойдеше** (IMPERF.PFV) *на власт, забравяше старите, болните и бедните* (И) ‘Кто бы ни пришел к власти, он забывал старых, больных и бедных’.

В условно-уступительных придаточных болгарского языка имеется разнообразный набор времен, близкий к временам условных предложений [Ницолова 2004] (там же — о всех видо-временных возможностях болгарских уступительных предложений).

2.4.3.2. Широкий набор времен сказуемого подчиненной предикации демонстрируют и сравнительные придаточные с союзом *като да* (‘как будто’, ‘как если бы’, ‘словно’), устанавливающие подобие двух ситуаций. Времена употребляются в своих основных значениях, как и при составном союзе *като че* ‘как будто’, ‘словно’ (см. подробнее в [ГСБКЕ 1983: 371; Иванова, Градинарова 2015: 361–363]).

(65) а. *Продължаваше да лежи с неподвижно лице и спуснати клепачи, **като да** не чуваше (IMPERF) гласа ми* (А. Гуляшки) ‘Он продолжал лежать с неподвижным лицом, прикрыв глаза, словно не слышал моего голоса’.

б. *Вратата сама се отвори, **като да** ги бе очаквал (PPERF) някой зад нея* (Д. Талев) ‘Дверь открылась сама, как будто кто-то ждал их за нею’.

В таких сравнительных предложениях реальной (референтной) обычно считается ситуация в главном предложении, а придаточное с союзом типа *като да/като че* вводит ирреальную ситуацию (не имевшую/не имеющую места). Тем не менее в сравнительных предложениях обе ситуации уподобляются одна другой, что определяет и аналогичные темпоральные формы главной и зависимой частей. В болгарском языке оба союза — *като че* и *като да* функционируют одинаково, без различия по признаку модальности или нефактивности, без значительных темпоральных отличий вводимого предиката.

В македонском языке имеется союз *како да*, охватывающий всю ту сферу значений, что и оба болгарских союза *като да* и *като че*, в том числе с функциями эпистемической частицы [Vužarovska 2006], подобно рус. *как будто*. Мак. *како да* тоже допускает употребление подчиненного сказуемого в прошедших временах:

(66) мак. *Ој, тешко тебе, слабо се отсва жената **како да** беше попадната (PPERF) во некое длабоко долиште* (Ж. Чинго) ‘Ой, несчастный ты, слабо отозвалась жена, как будто попала в какую-то глубокую яму’, пример и перевод из [Усикова 2003: 275].

2.4.3.3. Расширенный набор временных возможностей подчиненного предиката демонстрируют и условные придаточные [Ницолова 1998], в том числе включающие *да*. Союз *да* выступает здесь преимущественно как одиночный, см. пример (166) в разделе 1.3.1.1. Как элемент союза он входит, если не считать устаревший комплекс *ако да*, в состав союзов *само да* [ГСБКЕ 1983: 393] и *стига да* ‘если (бы) только’, ‘только бы’ и др.; см. об их русских эквивалентах в [Градинарова 2017: 339–350], отсюда же и пример (70). Но даже и эти относительно новые союзы допускают, кроме частотного настоящего времени (67)–(68), также и прошедшие времена (69)–(70) для выражения разных типов условий, что характерно в целом для набора времен в придаточных с другими условными союзами (*ако, в случай че* и др.).

(67) *Аз мога, **стига да** искам (PRES) ‘Я-то могу, если захочу/стоит только захотеть’.*

(68) *На адвоката **само да** му кажеш (PRES) добър ден и ще ти иска 150 евро* ‘Адвокату только скажи «здравствуйте», и с тебя уже 150 евро’.

(69) *Бихме отслабвали по-лесно, **стига да** беше (IMPERF) по-весело* ‘Может, мы бы легче худели, если б только это было веселее’.

(70) *Завърших 8-ма гимназия, а можех да уча в английската или в италианския лицей, стига да бях поискала* (PPERF) ‘Я закончила 8-ю гимназию, а могла бы учиться в английской или в итальянском лицее, если б только захотела’.

Заключение

1. Утрата инфинитива и распространение *да*-конструкции как грамматического образования, характеризующегося контактностью *да* с глаголом, ограничениями на состав времен и семантически связанного с областью нефактивности, ведет к особому перераспределению средств выражения ирреальных значений в балканославянских языках. Это выражается прежде всего в сужении сферы функционирования условного наклонения, что мы показали на примере, во-первых, зон пересечения русского сослагательного наклонения и болгарской *да*-конструкции и, во-вторых, сравнением способов выражения ирреальности в относительных придаточных в южнославянских языках, которые, как известно, имеют значительные расхождения в путях развития *да*.

2. Исходя из того, что специфические характеристики *да*-форм в балканославянских языках существенно отличаются от статуса *да* в других языках южнославянской группы (1.1.–1.2.), в разделе 2 мы постарались дать ответ на вопрос, какие из этих черт сохраняются в случае, когда *да* является частью составного союза. В 2.1.–2.3. предложения с составными союзами в языках с недифференцированным по модальности союзом *да* были сопоставлены с ситуацией в балканославянских языках.

Как показал анализ, при включении *да* в составной союз и балканизированные, и небалканизированные южнославянские языки сохраняют те специфические линейно-синтаксические особенности, которые демонстрирует и одиночный союз *да* в этих двух языковых группах, что дополнительно свидетельствует о размежевании синтаксических функций *да* в южнославянских языках. В балканославянских языках придаточные с рассмотренными составными союзами реализуют все структурные особенности *да*-форм, что является результатом грамматикализации *да* как конъюнктивоподобной частицы. Однако семантическое ограничение на введение нефактивного положения дел в болгарских и македонских составных союзах с *да* имеется не всегда. Мы выделили три разные группы болгарских сложноподчиненных предложений с составными союзами, имеющих разную степень ограничений на временную форму подчиненного предиката, и показали, что это связано и с историей формирования того или иного типа сложного предложения, и со спецификой самого типа подчиненной предикации.

Список сокращений

- COND — кондиционал (условное наклонение)
 DAT — дательный падеж
 FUT — будущее время
 IMPERF — имперфект
 IPFV — несовершенный вид
 NEG — отрицательная частица
 PERF — перфект
 PFV — совершенный вид
 PFUT — будущее время в прошедшем
 PPERF — плюсквамперфект
 PRES — настоящее время
 REFL — рефлексивная частица

Список сокращений источников

- Влх — Влахобългарски грамоти (*Л. Милетич*. Нови влахобългарски грамоти от Брашов, СБНУ XIII).
- Л — Люблянският Български ръкопис (*Ст. Аргиров*. Люблянският Български ръкопис от XVII в. СБНУ XII).
- Тих — Тихонравовский дамаскин (*Е. И. Демина*. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Т. II. София, 1975).
- Троян — Троянски дамаскин (*А. Иванова*. Троянски дамаскин. Български паметник от XVII в. София, 1967).
- БНК — Български национален корпус, <http://search.dcl.bas.bg/>
- И — Интернет

Литература

- Асенова 2002 — *Асенова П.* Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз. Велико Търново, 2002.
- Бужаровска 1999 — *Бужаровска Е.* Независните *да*-конструкции во македонскиот јазик и нивните корелати во грчкиот јазик // Македонски јазик. 1999. № 51–52.
- Бужаровска 2018 — *Бужаровска Е.* Функцијата на *би* за изразување обусловени дејства во македонскиот јазик // Статусот на модалната морфема *БИ* во македонскиот јазик и нејзините функционални еквиваленти во другите словенски и несловенски јазици / Уредник: акад. З. Тополињска. Скопје, 2018.
- Бужаровска, Митковска 2015 — *Бужаровска Е., Митковска Л.* Негираните независни *да*-конструкции // Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции / Уредник акад. З. Тополињска. Скопје, 2015. С. 23–46.
- Викторова 2005 — *Викторова К.* Функционален развој на *да*-конструкцијата во современиот български език // Аргументна структура. Проблеми на простото и сложното изречение / Съст. С. Коева. София, 2005. С. 185–224.

- Гајдова 2008 — *Гајдова У.* Условниот период во дијалектите на македонскиот јазик. Скопје, 2008.
- Градинарова 2010 — *Градинарова А. А.* Фрагменти болгарско-руског сопоставителног синтаксиса. Учебн. пос. для студенто-в-русистов старших курсов болгарских вузов. София, 2010.
- Градинарова 2017 — *Градинарова А. А.* Очерки по сопоставителному синтаксису болгарског и руског јазиков. София, 2017.
- Грицкат 1975 — *Грицкат И.* Студије из историје српскохрватског језика. Београд, 1975.
- Грковић Мејџор 2004 — *Грковић Мејџор Ј.* Развој хипотактичког *да* у старо-српском језику // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. 2004. № 47 (1–2). С. 185–203.
- ГСБЕ 1993 — Граматика на старобългарскиј език. Фонетика. Морфологија. Синтаксис / Глав. ред. И. Дуриданов. Ред. кол. Е. Дограмаџиева, А. Минчева. София, 1991.
- ГСБКЕ 1983 — Граматика на съвременниј български книжовен език. Т. 3. Синтаксис. София, 1983.
- Дејанова 1979 — *Дејанова М.* Към синтактичните функции на съюза *да* // Български език. 1979. № 1. С. 70–71.
- Дејанова 1982 — *Дејанова М.* За функциите на служебната дума *да* в словенскиј книжовен език (в сравнение с български) // Български език. 1982. № 4. С. 319–329.
- Дејанова 1985 — *Дејанова М.* Подчинени изречения със съюз *да* в съвременниј словенски книжовен език. София, 1985.
- Дејанова 1986 — *Дејанова М.* Из историјата на *да*-конструкциите в българскиј език // Български език. 1986. № 6. С. 485–495.
- Добрушина 2006 — *Добрушина Н. Р.* Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 28–67.
- Добрушина 2011 — *Добрушина Н. Р.* Сослагательное наклонение в относительных придаточных с союзом *который* // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2011. № 6. С. 69–83.
- Добрушина 2012 — *Добрушина Н. Р.* Сослагательное наклонение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2012.
- Добрушина 2016 — *Добрушина Н. Р.* Семантика косвенного наклонения: корпусное исследование грамматической полисемии. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2016.
- Дограмаџиева 1974 — *Дограмаџиева Е.* Синтактична характеристика на съчетанията от типа *който* и *да* в съвременниј български книжовен език // В памет на професор Стојко Стојков. Езиковедски изследвания. София, 1974. С. 417–423.
- Дограмаџиева 1984 — *Дограмаџиева Е.* Обстоятелствените изречения в книжовниј старобългарски език. София, 1984.
- Дымарский 2015 — *Дымарский М. Я.* Инфинитивные высказывания с семантикой нежелательности: вид, время, лицо, типовые значения // Вопросы языкознания. 2015. № 5. С. 26–48.

- Иванова 2014 — *Иванова Е. Ю.* Апрехенсивное значение в русском и болгарском языках // *Studi Slavistici*. Firenze University Press. XI. 2014. С. 143–168 (<http://www.fupress.net/index.php/ss/article/view/15347>).
- Иванова 2015 — *Иванова Е. Ю.* Русские параллели болгарской *да*-конструкции // Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции / Уредник акад. Зузана Тополинска. Скопје, 2015. С. 101–153. <http://ical.manu.edu.mk/books/ZbornikSubjunktivICAL2014.pdf>
- Иванова 2016 — *Иванова Е. Ю.* *Да*-конструкция в позиции предикативного определения в болгарском языке // XXI Державинские чтения: Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики. Сборник статей по материалам XLV Международной филологической конференции, 14–21 марта 2016 г., г. Санкт-Петербург / Отв. ред. О. В. Васильева, З. К. Шанова. СПб., 2016. С. 41–50.
- Иванова 2017a — *Иванова Е. Ю.* Предложения с союзом *колкото да* и их русские соответствия // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Выпуск XI. Шумен, 2017. С. 5–21.
- Иванова 2017б — *Иванова Е. Ю.* Придаточное неосуществленного действия в болгарском языке и его русские параллели // *Rhema*. Рема. 2017. № 2. С. 41–69 (<http://mngu.pf/ob-mpgu/izdaniya-mpgu/zhurnal-rhema-rhema-arhiv/>).
- Иванова 2018 — *Иванова Е. Ю.* Частица *by/bi*: значение, употребление, синтаксис (русско-болгарские параллели) // Статусот на модалната морфема *БИ* во македонскиот јазик и нејзините функционални еквиваленти во другите словенски и несловенски јазици / Уредник акад. З. Тополинска. Скопје, 2018.
- Иванова, Бужаровска 2016 — *Иванова Е. Ю., Бужаровска Э.* Эпистемические вопросительные частицы *да не* в македонском и *да не би* в болгарском языках // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3 / М. Б. Коношенко, Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). М., 2016. С. 140–158.
- Иванова, Градинарова 2015 — *Иванова Е. Ю., Градинарова А. А.* Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М., 2015.
- Китина 1991 — *Китина А.* За значението «иреалност» на формите за бъдеще време в миналото в български език и техните съответствия в руските преводи // *Български език*. 1991. Кн. 2. С. 101–109.
- Јанић 2014 — *Јанић А.* Субјунктивне релативне клаузе у српском и бугарском језику // *Наслеђе*. 2014. Број 28. С. 111–122.
- Конески 1987 — *Конески Б.* Граматика на македонскиот јазик. Скопје, 1987.
- Корубин 1969 — *Корубин Б.* Јазикот наш денешен. Скопје, 1969.
- Кустова 2013 — *Кустова Г. И.* Синтаксис современного русского языка: Курс лекций. М., 2013.
- Куцаров 2007 — *Куцаров И.* Теоретична граматика на българския език. Морфология. Пловдив, 2007.
- Ласкова 2009 — *Ласкова Л.* Имперфект и плусquamперфект в подчинени *да*-изречения след глаголи за възприятие // *Български език*. 2009. Приложение. С. 169–185.
- Летучий 2015 — *Летучий А. Б.* Сравнительные конструкции. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2015.

- Маслов 1981 — *Маслов Ю. С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.
- Маслова 2008 — *Маслова А. Ю.* Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в сербском и болгарском языках на фоне русского языка. Саранск, 2008.
- Минова-Гуркова 1994 — *Минова-Гуркова Л.* Синтакса на македонскиот стандарден јазик. Скопје, 1994.
- Минова-Гуркова 1997 — *Минова-Гуркова Л.* Сврзувачки средства во македонскиот јазик. Скопје, 1997.
- Минчева 1987 — *Минчева А.* Старобългарският език в светлината на балканистиката. София, 1987.
- Мирчев 1978 — *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1958.
- Митковска 2018 — *Митковска Л.* Можниот начин надвор од условниот период во современниот македонски јазик // Статусот на модалната морфема *БИ* во македонскиот јазик и нејзините функционални еквиваленти во другите словенски и несловенски јазици / Уредник акад. З. Тополинска. Скопје, 2018.
- Мосинец 2017 — *Мосинец А. Г.* Становление целевых союзов в болгарском языке: от древнеболгарского до современного состояния. Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Том 14. Выпуск 3. Сентябрь 2017. С. 407–419.
- Мосинец 2018 — *Мосинец А. Г.* Сложные предложения с придаточными цели и причины в болгарском языке в сопоставлении с русским. Дисс... канд. филол. наук. СПб., 2018.
- Ницолова 1998 — *Ницолова Р.* Условные конструкции в болгарском языке // Типология условных конструкций / Храковский В. С. (отв. ред.). СПб., 1998. С. 129–161.
- Ницолова 2004 — *Ницолова Р.* Уступительные конструкции в болгарском языке // Типология уступительных конструкций / Храковский В. С. (отв. ред.). СПб., 2004. С. 95–136.
- Ницолова 2008 — *Ницолова Р.* Българска граматика. Морфология. София, 2008.
- Ницолова 2009 — *Ницолова Р.* Таксис в болгарском языке // Типология таксисных конструкций / Храковский В. С. (отв. ред.). СПб., 2009. С. 117–137.
- Пантелеева 1998 — *Пантелеева Х.* Кондиционалът в съвременния български книжовен език. София, 1998.
- Пенчев 1984 — *Пенчев Й.* Строеж на българското изречение. София, 1984.
- Пенчев 1998 — *Пенчев Й.* Синтаксис // *Бояджиев Т., Куцаров И, Пенчев Й.* Съвременен български език. Фонетика. Лексикология. Словообразуване. Морфология. Синтаксис. София, 1998. С. 498–655.
- Петрова 2015 — *Петрова Г.* Сложни изречения с *да*-комplement за изразяване на контрахипотетичност // Да (пре)откриваш думите: Юбилеен сборник, посветен на проф. д.ф.н. Вера Маровска. Пловдив, 2015. С. 77–84.
- Пипер, Клајн 2015 — *Пипер П., Клајн И.* Нормативна граматика српског језика. Нови Сад, 2015.
- Радева 2015 — *Радева П.* Рестриктивниот съюз *отколкуто да* в системата на подчинителните съюзи в съвременния български език // Проглас. 2015. Кн. 2. С. 403–413.

- РБЕ — Речник на българския език. Институт за българския език, София, 1977 (<http://ibl.bas.bg/rbe/>).
- Ружић 2006 — *Ружић В.* Допунске реченице у савременом српском језику. II // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Књ. XLIX. 2006. Св. 2. С. 103–267.
- Сашева 2015 — *Сашева В.* Полифункционалното *да* в българския език (Функционално-семантични и модални особености на независимите *да*-изречения в съвременния български език). Велико Търново, 2015.
- Седлачек 1970 — *Седлачек Ј.* Српскохрватске потврде о развоју реченице са *да* у јужним словенским језицима // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Књ. XII. 1970. Св. 2. С. 59–69.
- Симић, Јовановић 2002 — *Симић Р., Јовановић Ј.* Српска синтакса. I–II. Београд, 2002.
- Симов, Колковска 2004 — *Симов К., Колковска С.* Интерпретација на *да*-конструкциите в опорната фразова граматика // Славистиката в началото на XXI век — традиции и очаквања. София, 2004. С. 153–162.
- Синтакса 2005 — Синтакса савременога српског језика. Проста реченица / Пипер П., Антонић И., Ружић В. и др. Уред. акад. М. Ивић. Београд, 2005.
- Статусот на модалната морфема *БИ* 2018 — Статусот на модалната морфема *БИ* во македонскиот јазик и нејзините функционални еквиваленти во другите словенски и несловенски јазици / Уредник акад. З. Тополињска. Скопје, 2018.
- Стевановић 1964 — *Стевановић М.* Савремени српскохрватски јазик. Београд, 1964.
- Стешевич 2015 — *Стешевич В. Ју.* Категорија императивности и средства ее објективации в руском и сербском јазиках. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015.
- Субјунктив 2015 — Субјунктив со посебен осврт на македонските *да*-конструкции / Уредник акад. З. Тополињска. Скопје, 2015.
- Тишева 2001 — *Тишева Ђ.* Подчинително сврзване в сложното изречение. Комплементизаторите в българския език // Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. Пловдив, 2001. С. 164–173.
- Тополињска 1996 — *Тополињска З.* Студии од македонско-бугарската јазична конфронтација. Скопје, 1996.
- Тополињска 2008 — *Тополињска З.* Полски-македонски: Граматичка конфронтација. Т. 8. Развитие на граматичките категории. Скопје, 2008.
- Трофимкина 2014 — *Трофимкина О. И.* Синтаксис сложного предложения в сербском языке. СПб., 2014.
- Ухлик, Желе 2017 — *Ухлик М., Желе А.* Семантичките и синтаксичките особености глаголов *bati se* ‘боятся’ и *upati (se/si)* ‘надеяться; отжаживањся’ в словенском предложении // Slovenski jezik — Slovene Linguistic Studies. 11. 2017. S. 87–109.
- Ухлик, Желе 2018 — *Ухлик М., Желе А.* *ДА*-предложения при глаголах желаний и побуждений в словенском языке // Вопросы языкознания. 2018. № 5.
- Ускова 2003 — *Ускова Р. П.* Граматика македонского литературного языка. М., 2003.
- Цыхун 1981 — *Цыхун Г. А.* Типологические проблемы балкано-славянского языкового ареала. Минск, 1981.

- Чакърова 2009 — *Чакърова К.* Императивът в съвременния български език Пловдив, 2009.
- Alexova, Tisheva 2000 — *Alexova Kr., Tisheva Y.* Bulgarian *da-* and *che-*clauses after verbs of perception // Papers from 3rd Conference «Formal Approaches to South Slavic and Balkan Languages», Plovdiv, September 1999. University of Trondheim. Working Papers in Linguistics. 34. 2000. P. 97–109.
- Amman, Auwera 2004 — *Amman A., van der Auwera J.* Complementizer headed main clauses for volitional mood in the languages of South-Eastern Europe — a Balkanism? // *Balkan Syntax and Semantics*. Amsterdam, 2004. P. 293–314.
- Bužarovska 2006 — *Bužarovska E.* Pathways of semantic change: From similarity marker to sensory evidential // *Slavia Meridionalis. Studia Linguistica et Balcanistica*. 6. Warszawa. 2006. S. 185–311.
- Bužarovska, Mišeska Tomić 2009 — *Bužarovska E., Mišeska Tomić O.* Subjunctive relative clauses in Macedonian and Bulgarian // *Investigations in the Bulgarian and Macedonian nominal expressions / Dimitrova-Vulchanova M., Mišeska Tomić O. (eds.)*. Trondheim, 2009. P. 204–229.
- Dobrushina 2012 — *Dobrushina N. R.* Subjunctive complement clauses in Russian // *Russian linguistics*. 2012. Vol. 36. Issue 2. P. 121–156.
- Joseph 1983 — *Joseph B. D.* The Synchrony and diachrony of the Balkan infinitive: A study in areal, general and historic linguistics. Cambridge, 1983.
- Gołąb 1954 — *Gołąb Z.* Funkcja syntaktyczna partykuły *da* w językach południowosłowiańskich (bułgarskim, macedońskim i serbochorwackim) // *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego*. Zeszyt XIII. 1954.
- Kramer 1987/1988 — *Kramer C.* Towards a comparison of conditionals in Albanian, Bulgarian and Macedonian // *Македонски јазик*. № 37. 1987/1988. С. 263–270.
- Mitkovska, Bužarovska, Ivanova 2017 — *Mitkovska L., Bužarovska E., Ivanova E.* Apprehensive-epistemic *da-*constructions in Balkan Slavic // *Slověne = Словѣне*. 2017. № 2. S. 57–83.
- Mitkovska, Bužarovska, Kusevska 2015 — *Mitkovska L., Bužarovska E., Kusevska M.* Macedonian ‘*da ne*’ constructions as distance markers // *Distance in Language, Language of Distance / Sonnenhauser, A. Meermann (eds.)*. Cambridge, 2015. P. 243–262.
- Sedláček 1982 — *Sedláček J.* Modální perifráze *da*+indikativ v jižní slovanštině // *Slavia*. 1982. № 51. S. 24–27.
- Topolińska 2009 — *Topolińska Z.* Балканското во граматичката структура во словенските балкански јазици // *Z Polski do Macedonii: Studia językoznawcze*. Tom II. Kraków, 2009.
- Uhlik, Žele 2018 — *Uhlik M., Žele A.* Predmetni *da-*odvisniki v slovensko-ruski sopostavitvi // *Slavistična revija. Številka 2*. 2018. Vol. 66. S. 213–233.